

САРА МОРГАН

Наше
худшее
Рождество

роман

МИО

МИФ Проза

Сара Морган

Наше худшее Рождество

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2020

УДК 82-3
ББК 84(7)

Морган С.

Наше худшее Рождество / С. Морган — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2020 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195044-8

Для сестер Саманты и Эллы Митчелл Рождество – самое драгоценное время в году, время единения, любви и торжества. В этот день они стремятся восполнить все, чего им так не хватало на рождественских праздниках в детстве. Но в этом году они будут покупать подарки неожиданному гостю – своей отчужденной матери, с которой не виделись пять лет. Когда она неожиданно звонит и обещает, что это Рождество будет другим, Саманта и Элла осторожно соглашаются провести его вместе среди прекрасных пейзажей шотландского нагорья. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-3

ББК 84(7)

ISBN 978-5-00-195044-8

© Морган С., 2020
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2020

Содержание

Гейл	6
Саманта	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сара Морган

Наше худшее Рождество

Sarah Morgan
ONE MORE FOR CHRISTMAS

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав

© 2020 by Sarah Morgan Translation copyright © 2022 by Kira Bugaeva All rights reserved including the right of reproduction in whole, or in part in any form. This edition is published by arrangement with Harlequin Books S.A. This is a work of fiction. Names, characters, places and incidents are either the product of the author's imagination, or are used fictitiously, and any resemblance to actual persons, living or dead, business establishments, events, or locales are entirely coincidental.

© Перевод, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Эле и Си с любовью

*Я буду читать Рождество в сердце своем и хранить память о нем
весь год¹.*

Чарльз Диккенс. Рождественская песнь

¹ Перевод Т. Озерской.

Гейл

Соглашаясь на интервью в прямом эфире, Гейл Митчелл и представить не могла, что скоро ее жизнь зрелищно рухнет перед столь обширной аудиторией. Интервью она давала часто и потому от очередного разговора с журналистом не ожидала ничего особенного. Слегка скучая, Гейл спокойно наблюдала, как группа готовит помещение к съемке. Прожекторы, как обычно, ослепляли и отбрасывали в пространство столько жара, что можно было бы запечь говяжий окорок. Несмотря на прохладу, дарованную усердно работающим кондиционером, тонкая ткань черного платья прилипла к бедрам.

Огромные окна от пола до потолка позволяли увидеть раскинувшийся внизу город. Гейл считала его самым потрясающим в мире. И одним из самых дорогих. Впрочем, теперь об этом ей не было нужды беспокоиться. Когда-то он чуть не погубил ее, когда-то очень давно. Теперь воспоминания приносили только удовлетворенность, ту же, что она испытывала всякий раз, глядя вниз отсюда, с вершины мира, – из своего кабинета на пятидесятом этаже. Он стал символом ее победы. Брошенный вниз острый взгляд похож на удар стилетом в лицо врага. «Я выиграла». Она больше не была частью толпы, снующей внизу, как по дну каньона, по холодным улицам Манхэттена, не принадлежала к этим людям, изо всех сил старающимся выжить в городе, который пожирает слабых и уязвимых. Удобное место в угловом офисе позволяло разглядеть Эмпайр-стейт-билдинг, Рокфеллер-центр и зеленую полосу Центрального парка вдалеке.

Гейл поерзала на стуле, когда чьи-то руки принялись поправлять ее волосы и макияж. Режиссер обсуждал с оператором ракурсы и свет, сидящая напротив молоденькая ведущая утренней программы лихорадочно изучала записи.

Рошель Барнард. Сколько ей? Чуть за двадцать? Сама Гейл была на пару лет моложе, когда начинала свое восхождение. Она всегда умела увидеть и оценить потенциал в людях, а у Рошель он безусловно был. Гейл видела его в глазах, жестах и движениях тела, в манере и поведении. В прошлом женщины таилось еще кое-что, и оно не укрылось от глаз Гейл – голод. Он – лучший стимул, уж ей это хорошо известно.

Она по-настоящему голодала, а не просто часто недоедала. И утопала в отчаянии. Обычно ей удавалось не вспоминать те дни. Сейчас все изменилось, она стала другой и может позволить себе предложить помощь молодой женщине, которая в ней нуждается.

– Десять минут, мисс Митчелл.

Гейл наблюдала, как специалист по освещению устанавливает отражатель. В некотором смысле она делала то же самое: направляла свет на людей. Не будь ее, они бы так и остались в темноте. Она изменяла чужие жизни, и сейчас перемены ждали сидящую напротив молодую женщину.

– Отложи записи, – обратилась к ней Гейл. – Они тебе не нужны.

Рошель подняла глаза:

– Здесь вопросы, которые мне велели задать. Я получила их пять минут назад.

«Конечно, ведь они ждут, что ты будешь спотыкаться и в конце концов упадешь», – подумала Гейл.

– А ты бы хотела задать мне эти вопросы?

Взгляд журналистки скользнул по бумагам, и она нахмурилась:

– Честно? Нет. Но они по темам, которые мне поручено осветить в интервью.

Гейл подалась вперед:

– Ты всегда поступаешь так, как тебе велят?

– Не всегда. – Рошель качнула головой.

– Рада слышать. Я не ошиблась, считая тебя другой. Я ведь смотрела твой короткий репортаж из Центрального парка на прошлой неделе.

– Вы его видели?

– Да. Замечательные вопросы, и ты не дала шанса той увертливой крысе уйти от ответов.

– Не из-за того ли интервью вы попросили сегодня прислать меня?

– Ты произвела на меня впечатление человека с неиспользованным потенциалом.

– Благодарю вас за предоставленную возможность. – Рошель расправила плечи и пригласила юбку. – Даже не верится, что я здесь. Обычно все громкие интервью отдают Говарду.

Почему люди с такой готовностью мирятся с неблагоприятными обстоятельствами? Не спешат осознать свою силу? Конечно, путь к власти сопряжен с риском, и, видимо, они не хотят рисковать.

– Вещи остаются такими, какие есть, пока мы сами их не изменим, – уверенно произнесла Гейл. – Будь дерзкой и смелой. Реши, чего хочешь, и добивайся цели. Не раздумывай, если по пути придется кого-то оттолкнуть, – действуй.

Гейл закрыла глаза, почувствовав, как чьи-то пальцы, поправив прядь волос, поднесли к ее голове баллончик с лаком.

– Используй шанс задать мне те вопросы, которые Говарду Бэнксу и в голову не пришли бы.

«Что совсем не сложно, – подумала она про себя. – Этот мужчина обладает воображением и привлекательностью буханки черствого хлеба». Говард брал у нее интервью лет десять назад, смотрел покровительственно, чуть свысока. Приятно знать, что он был взбешен ее просьбой прислать самую молодую девушку из команды журналистов. Хотелось верить, что этот жест нанес удар не только по его самолюбию, но и по тому чувствительному месту мужского тела, которое, по мнению Говарда, давало ему преимущество перед ней.

– Если я не выполню их требования, это может стоить мне места.

Гейл приоткрыла один глаз:

– Нет, если результат будет лучше, чем они ожидают. Тебя не уволят, если рейтинги поднимутся. Что там в списке вопросов? Подожди, дай угадаю... Как мне удастся заниматься и работой, и личной жизнью, а также, будучи женщиной, преуспевать в мире мужчин?

Скучно. Как же скучно.

Рошель весело рассмеялась:

– Вы определенно стали профессиональным респондентом.

– Думай о людях, которые нас смотрят. О том, какой вопрос они хотели бы мне задать. Что хотела бы услышать женщина, мечтающая изменить свою жизнь? Или добиться успеха в карьере – *как ты, например*, – в то время как ее постоянно зажимают, оттесняют? Что было бы интересно узнать этой женщине?

Рошель аккуратно сложила лежащие на коленях листы.

– Мне было бы интересно узнать ваш секрет: как вы справляетесь со всем? И как справлялись, когда делали первые шаги, когда у вас ничего этого не было? Вы начали с нуля. Учились в колледже и работали в трех местах. Сейчас вы одна из самых успешных женщин в деловом мире. Вы преобразовывали компании и людей. Возможно, какой-то ваш опыт будет полезен и мне. Могли бы вы изменить меня? Очень бы хотелось, чтобы к концу программы я испытывала такой эмоциональный подъем, что позвонила бы на телевидение и поблагодарила создателей.

– И ты полагаешь, что тебя за такое уволят?

Женщина смотрела на Гейл, не моргая.

– Нет, я так не думаю. – Она отбросила стопку бумаг на стол. – Что со мной не так? Я по несколько раз прочитала все ваши книги, но собиралась задавать вопросы, которые мне навязали. В вашей последней книге мне больше всего понравились слова о том, что ожидания

других людей сдерживают нас, словно поводья. В колледже вы были кумиром для всех нас. – Она прижала ладонь к груди. – Знакомство с вами – лучший подарок на Рождество.

– Рождество?

– До него ведь всего несколько недель. Обожаю этот праздник. А вы?

Гейл ненавидела этот праздник. Ей не нравилось, что все закрывается, не нравились толпы на улицах и безвкусные украшения. Не нравились прилипшие кусочками клейкой ленты воспоминания.

– Разве ты не достаточно взрослая, чтобы так радоваться Рождеству?

– Вовсе нет, – рассмеялась Рошель. – Обожаю, когда собирается вся большая семья. Наряжают огромную елку. У камина раскладывают подарки. Знаете, такие вещи...

Гейл повернулась к визажисту, державшему в руках помаду:

– Только не этот ужасный коричневый. Возьмите красную.

– Но...

– Красную. Губы не должны быть невыразительными, будто размазанными. Я желаю видеть себя с красной помадой. У меня в сумочке есть как раз подходящего цвета.

Суэта, препирательства, и наконец нужная помада найдена. Гейл не шевелилась, ожидая, когда визажист закончит работу.

– Не упusti возможность, Рошель. Хватайся и используй ее. Если ты понравишься зрителям, начальство не станет тебя от них прятать.

Все. Дело сделано.

У Гейл был талант вдохновлять, и ей нравилось давать людям шанс, которого не было у нее самой. Остальное зависит только от них.

– Пять минут, мисс Митчелл. – Режиссер окинул взглядом полки книжного шкафа. – Позвольте нам, когда закончим, сделать несколько снимков в рекламных целях?

– Сколько пожелаете. – Она будет только рада, если история ее жизни кого-то вдохновит и поддержит. Женщины должны осознать, какая сила в них заложена.

Рошель склонилась ближе:

– Возможно, у меня не будет позже возможности поговорить с вами, потому хочу сказать сейчас, что очень благодарна вам за поддержку. Осознание того, что вы пережили все, о чем пишете в книгах, невероятно вдохновляет. Вы очень крутая. Поднявшись на самую вершину, находите время протянуть руку помощи тем, кто еще в пути.

Гейл увидела, как сверкнули глаза молодой женщины, и что-то шевельнулось в душе от неприятного предчувствия.

В руке помощи никогда не было носового платка. Эмоциям не место в процессе четкого планирования жизни. Они мешают принимать решения и дурно влияют на тех, кто рядом. Все сотрудники Гейл знали, что в разговоре с ней нельзя допускать проявления эмоций.

Представьте мне факты, предлагайте решения, а от нытья избавьте.

Рошель этого правила не знала.

– В колледже мы часто повторяли, будто мантру: «Как бы поступила ГМ?» – Щеки ее покраснели. – Надеюсь, вы не против, что мы так вас называли.

Некоторые говорили, что ГМ означает Гениальные Мозги, другие – Гуру Менеджмента. А часть ее сотрудников поддерживала вариант Генетически Модифицированная, хотя никто не набрался смелости высказаться открыто.

Рошель продолжала изливаться свое восхищение:

– Вы никого и ничего не боитесь. Вы многих из нас вдохновили тем, как строили свою жизнь и карьеру. И, сделав шаг, никогда не извинялись.

Почему она должна извиняться? Перед кем?

– Воспользуйся этой возможностью, Рошель. Мой ассистент передал тебе экземпляр новой книги?

– Да. С вашей личной подписью. – Девушке удалось немного обуздать свой пыл. – Замечательно, что ваш помощник – мужчина.

– Я беру на работу лучших. В случае с должностью личного помощника это Коул.

Гейл бросила косой взгляд на столы руководителей высшего звена ее компании. Личные кабинеты были только у нее и Билла Кина, остальные работали в общем помещении с перегородками, протянувшимися на всю ширину здания. Время от времени Гейл оглядывала свои владения – оазис за стеклянным фасадом – и думала: «Я создала все это сама, не имея ничего, кроме несгибаемой воли и страстного желания выжить».

Над одной перегородкой возвышалась лысая, похожая на блестящий шар, голова Саймона Белтона. Этим утром он появился в офисе раньше нее, чем заметно поднял ей настроение. Он был наделен отменным трудолюбием, но интересные, по-настоящему новаторские идеи появлялись у него редко. Соседнее место занимала Марион Лейк. Год назад Гейл наняла ее на должность руководителя отдела маркетинга, но сейчас все больше склонялась к мысли, что совершила ошибку. Утром она заметила пиджак Марион небрежно лежащим на спинке кресла, это должно было показать, что хозяйка где-то в здании. Гейл недовольно поджала губы. Давая человеку шанс, она ожидала, что им воспользуются. Даже теперь, по прошествии многих лет, люди порой неверно ее оценивали. Неужели Марион думала, что оставленный пиджак станет для начальницы знаком, будто она уже в офисе? На столе нет стаканчика с кофе, а Гейл отлично знала, что он необходим Марион для работы. Кроме того, общая атмосфера в офисе походила на кладбищенскую. Марион говорила громко и имела раздражающую привычку высказываться часто – возможно, от избытка выпитого кофе. Будь она где-то поблизости, Гейл непременно бы ее услышала.

Иногда ей казалось, что из нее вышел бы превосходный детектив.

– Прямой эфир через три минуты, – сообщил кто-то из съемочной группы, и Гейл, устроившись поудобнее, изобразила на лице нужное выражение.

Она дала несколько сотен интервью, в том числе в прямом эфире, и уже не испытывала страха и паники. Едва ли ей зададут вопрос, на который она не отвечала множество раз. Если вопрос не нравился, Гейл просто отвечала на другой – она имела право выбирать, как во многих подобных случаях. Ведь ситуацией управляла именно она. Про себя Гейл напевала отрывок арии из оперы Пуччини, которую слушала неделю назад. Блистательно, драматично и, разумеется, трагично... Но такова жизнь, верно?

– Эфир через пять, четыре, три...

Мужчина выбросил вверх два пальца, потом один, и Гейл перевела взгляд на молодую женщину, надеясь, что ее вопросы окажутся интересными. Не хотелось бы в ней ошибиться.

Рошель заговорила уверенно и четко, глядя прямо в камеру.

– Привет, я Рошель Барнард, и я пришла в офис компании «Митчелл и партнеры» в центре Манхэттена, чтобы побеседовать с Гейл Митчелл – ГМ, как называют ее поклонники и сотрудники компании, – самой влиятельной и знаменитой персоной в мире бизнеса. Ее последняя книга «Труд, а не удача» в течение двенадцати месяцев занимала верхние строчки списка бестселлеров, а на следующей неделе выходит в свет «Новая сильная ты». Гейл Митчелл – одна из ведущих специалистов по управлению изменениями, также она известна своей неустанной благотворительной деятельностью. Настоящую славу она получила благодаря поддержке и мотивации, которую дарит женщинам. Несколько дней назад на торжественной церемонии здесь, на Манхэттене, ей была вручена престижная награда «Стар Эвордс» как самой вдохновляющей женщине делового мира. Примите мои поздравления, мисс Митчелл. Какие возникают ощущения, когда осознаешь, что твой вклад оценен обществом?

Гейл чуть склонила голову для лучшего ракурса.

– Разумеется, для меня это большая честь, но настоящая радость – помогать женщинам реализовать свой потенциал. Нам так часто говорят, Рошель, что мы не можем стать

достойными соперниками мужчинам, и моя роль как победителя – подавать пример женщинам, побуждать их опровергнуть сложившееся мнение.

Гейл мило улыбнулась, желая продемонстрировать радушие и открытость.

– Вы известная защитница прав женщин на рабочих местах. Скажите, что вами движет?

Гейл с готовностью ответила, речь ее текла легко и гладко. Рошель задала еще несколько вопросов, ответы на которые прозвучали в том же тоне.

– Люди вас либо любят, либо ненавидят. Кажется, золотой середины не существует. Вас беспокоит, что некоторые считают вас безжалостной?

– Я строга и не собираюсь за это извиняться, – заявила Гейл. – Люди, которых задевает успех других, будут существовать всегда, как и те, кого пугают перемены. Я приветствую изменения. Без них прогресс невозможен, а он необходим. Перемены заставляют нас двигаться вперед.

– Ваша компания предлагает стажировку на самых щедрых условиях в отрасли. Вы также выплачиваете стипендии. Почему вы тратите на это деньги?

Потому что когда-то давно, будучи в полном отчаянии и одиночестве, она поклялась в будущем помогать каждому, кто оказался в подобном положении, если, конечно, на то будут возможности. Но эту мысль Гейл не высказала вслух. Такое признание может быть расценено как слабость. Да и поймут ли ее? Сидящая напротив женщина никогда не испытывала настоящего страха, а вот Гейл знает, как глубоко он может вонзаться свои когти. Страх превращает человека в заключенного, лишает способности свободно действовать.

Отделаться от него непросто, но некоторым, самым достойным, Гейл была готова открыть секрет, как это сделать.

– Я считаю это инвестициями в будущее... – Гейл сказала еще несколько слов о том, какую роль готова сыграть в судьбе непривилегированной части общества, и увидела, как глаза Рошель засветились от восхищения.

– Многие считают, что вам просто повезло. Как бы вы им ответили?

Грубо.

Удача никогда не была благосклонна к Гейл. Она всегда тщательно выверяла каждый шаг, руководствуясь разумом, а не эмоциями. Ничего не происходило случайно. Она строила свою жизнь по четкому плану, и теперь та стала именно такой, о какой она мечтала.

– Людям проще повесить на человека ярлык «Везунчик», чем признать, что он добился всего благодаря внутренней силе. Приписывая достижения удаче, вы умаляете роль личных качеств, а причина такого поведения – во внутренней неуверенности. Вера в удачу позволяет снять с себя ответственность. Чем бы вы ни занимались в жизни, каковы бы ни были ваши цели, главное – предпринимать активные действия. – Гейл повернулась на камеру. – Если вы недовольны жизнью, прямо сейчас возьмите лист бумаги и запишите все, что вам хотелось бы изменить. Не нравится, какой стала ваша жизнь? Так делайте что-нибудь! Завидуете кому-то? А обладают ли эти люди тем, чего нет у вас? Решите, как вы хотите жить! Подумайте, что надо сделать прежде всего, чтобы все изменить.

Рошель слушала и кивала.

– Ваша последняя книга «Труд, а не удача» изменила мою жизнь, и, я уверена, не только мою.

– Мы будем рады услышать вашу личную историю, – Гейл будто говорила со зрителями, вовлекая их в беседу. Она знала, что тысячи женщин по всей стране не отрываясь смотрят в экраны в надежде услышать то, что изменит их жизнь, словно по мановению волшебной палочки. Звонки телефона, просьбы детей, стук в дверь – все останется без внимания. В душе зародится надежда, легкое, словно мираж, видение счастливого будущего прогонит усталость и разочарование жизнью.

Разумеется, как только программа закончится, все вернутся к своим делам, но сейчас взгляды прикованы к ней. Каждая слушает ее, ища поддержки и вдохновения.

– Рассказ о собственном опыте может подтолкнуть к действию многих. Мой подход к жизни годится для любой женщины, управляет ли она корпорацией или ведет домашнее хозяйство.

– Недавно я разорвала отношения, – неожиданно произнесла Рошель и нервно рассмеялась, будто не веря, что призналась в прямом эфире. – После того как прочла главу «Препятствия на пути к цели». Я составила список всего, что мешает мне достичь желаемого, и имя моего парня стало первым пунктом. А глава о дружбе и ревизии друзей? Необходимо упорядочить контакты. Гениально! Спросите себя: «Помогает мне эта дружба приблизиться к заветной цели?» У меня вопрос к вам, ГМ: вы сами следовали своим советам?

– Разумеется. Мои книги, по сути, – план, по которому я создавала свою жизнь. Он подходит каждому. Главное, что можно вынести из моей предпоследней книги, – надо действовать, а не ждать милости от судьбы. Моя следующая книга «Новая сильная ты» посвящена преодолению страха перемен.

Ей удалось. Фразу о готовой к выходу книге не смогут вырезать, поскольку это прямой эфир. Издатель будет доволен.

– Я желаю каждой женщине – от бариста, подающей мне по утрам кофе, до сотрудницы, управляющей моими инвестициями, – стать хозяйкой своей судьбы. – Пристально глядя в камеру, Гейл выдержала паузу. – Ты сильнее, чем думаешь.

Рошель подалась вперед.

– Вы часто повторяете, что никому не суждено иметь все. Чем вы пожертвовали ради карьеры?

– Никаких жертв, только осознанный выбор. Надо четко понимать, чего ты хочешь. И уверенно добиваться этого, не жалея, не извиняясь.

– И вы никогда не испытывали сожалений?

Сожалений?

Гейл внутренне содрогнулась. Какие сведения о ней удалось добыть этой женщине?

Гейл выпрямилась и уверенно посмотрела в камеру:

– Никогда.

На этом интервью закончилось. Рошель отключила микрофон:

– Спасибо.

– Пожалуйста. – Гейл поднялась с места. – Как ты попала на телевидение?

– После колледжа я обращалась во множество мест, но мне не везло. – Женщина заметно расслабилась и говорила легко и беззаботно. – Потом мне предложили поработать стажером в студии. После я стала соведущей – начальство решило, что я хорошо смотрюсь в кадре. Так что, можно сказать, попала случайно.

Гейл поморщилась. Случайно падают в сугроб, а не получают работу.

– Сегодня у тебя важный день. Двери открылись. Надеюсь, ты шагнешь через порог.

– Спасибо вам, ГМ. Я никогда не забуду того, что вы для меня сделали. – Рошель окинула взглядом коллег и опять повернулась к Гейл. – Надо сделать несколько фотографий, мы разместим интервью на сайте канала и в социальных сетях.

– Разумеется.

Гейл прошла к шкафу, на полках которого стояли награды и книги, и какое-то время позировала, умело принимая выгодные позы, не забывая проследить, чтобы в кадр попали обложки книг.

Им, похоже, неизвестно, что сегодня день ее рождения. Нет, конечно нет. Откуда им знать? Ее системный администратор удалил всю информацию о ее возрасте в интернете. Дни

рождения мелькали, как времена года, она их не замечала и не приветствовала. Она предпочитала праздновать собственные победы.

Фотограф опустил камеру и огляделся.

– Могу я сделать снимок с полученной наградой?

Наградой?

Гейл запрокинула голову. Награда стояла на самой верхней полке шкафа, расположенного вдоль единственной бетонной стены в офисе. Будь она симпатичнее, ей непременно нашлось бы место получше, но это уродливое творение человека, напрочь лишенного мастерства и таланта, его не заслуживало. Сама звезда – ничего особенного, но основание, к которому она была прикреплена, выглядело безобразно. Еще вчера вечером, на церемонии вручения, Гейл подумала, что награда похожа на могильный камень. И сегодня ее мнение не изменилось.

Гейл согласилась взять награду, хоть и ненавидела ее так же сильно, как вчера, когда улыбалась и старалась выглядеть счастливой. Как же ей следовало понимать просьбу сделать фотографию с чем-то настолько лишенным гармонии и красоты? Не значит ли это, что ей пора в могилу, а эта фигурка станет хорошим надгробием?

Гейл повернулась и посмотрела туда, где должен был находиться Коул. Ассистенту следовало во время интервью оставаться поблизости на случай, если понадобится его помощь. Где же он? Коул обязан был предвидеть подобное и приготовить награду. Сейчас ей остается либо ждать его, что неминуемо задержит съемочную группу в офисе, либо достать приз с верхней полки самой.

Гейл раздраженно скинула туфли и передвинула стул от стола к шкафу.

Фотограф смущенно кашлянул:

– Позвольте мне достать ее, мисс Митчелл. Я выше и...

– Стулья, молодой человек, существуют как раз для того, чтобы женщины могли вставать на них в случае необходимости.

Гейл представляла, как отчитает Коула за идею поставить звезду на самую верхнюю полку, когда внезапно вспомнила, что фактически сама дала такое указание, велев убрать награду подальше с глаз.

Встав на сиденье, она потянулась. Но зачем было ставить на самый верх? Видимо, звезда отвратительна Коулу, как и ей самой.

Приподнявшись на носочки, Гейл почувствовала, как стул покачнулся. Обхватив пальцами звезду, она потянула ее на себя, слишком поздно вспомнив, что на вручении смогла удержать ее только двумя руками. Награда скользнула с полки, стул еще раз качнулся, на этот раз сильнее, и, когда Гейл поняла, что падает, уже ничего нельзя было изменить.

Она ухватила за шкаф свободной рукой, но тот начал заваливаться прямо на нее. Гейл мысленно отметила для себя, что надо уволить бестолкового мастера, не прикрепившего его к стене, а потом она падала и падала... Острие одного из лучей звезды врезалось ей в голову, когда она повалилась на твердый пол.

Прежде чем потерять сознание, Гейл успела пожалеть, что дизайнеру интерьера не пришла мысль постелить ковровое покрытие с длинным ворсом. А потом была темнота.

Она не слышала, как кричала Рошель, и не знала, что съемку никто не остановил.

Короткий период времени Гейл оставалась вне царящего хаоса.

Возвращение было медленным и путаным. Сначала в голове появилось жужжание, следом мысль, что она умерла. Нет, конечно нет. Она слышала, как люди в панике суетятся рядом, а ведь это проявление эмоций, запрещенных в ее офисе.

– Бог мой, она мертва? Она умерла?

– Нет-нет, дышит.

Гейл было приятно, что это подтвердил наблюдатель со стороны.

– Она без сознания. Я набрал 911, они уже едут.

– У нее настоящая дырка в голове? Господи, меня мутит.

– Возьми себя в руки, – голос был мужским и грубым. – Ты все снял, Грег?

– Да, все отснято. Счастливый будет день для тех, кто придумывает заголовки. Звездопад в офисе!

– Ты не мог бы проявить сочувствие? – дрожащим голосом произнесла Рошель. – Женщина пострадала, а ты придумываешь заголовки!

Неужели они не понимают, что она их слышит? Почему люди такие бестолковые? Интересно, она долго была в отключке? Минуту? Час? День? Нет, не день, тогда бы она лежала на больничной кровати в окружении множества приборов.

В груди появилась боль. В чем причина? Ах да, вместе с ней падал и книжный шкаф. Должно быть, кто-то удержал его или поднял. Что случилось со звездой, она понятия не имела. Если что и беспокоило ее всерьез, так это боль в голове.

Раздался грохот, и распахнулись двери офиса.

Гейл захотела открыть глаза и посмотреть на всех самым грозным своим взглядом, но веки оказались неподъемно тяжелыми.

Голосов стало больше, к тому же люди говорили уверенно и твердо – по-видимому, медики.

– Ее имя?

Почему они спрашивают? Разве не узнали? Всем известно, кто она – легенда. Если они не заметили награду, то не могли не заметить сделанную ею вмятину на голове. Надо связаться с организаторами и предложить для следующей церемонии сделать брошь в качестве трофея победителю.

– Гейл, вы меня слышите? Я Дэн.

Почему он называет ее Гейл, ведь они незнакомы? Лучше было бы мисс Митчелл или ГМ. Молодежь в наши дни понятия не имеет об уважении. Именно поэтому Гейл настаивала на строгом соблюдении делового этикета в офисе.

Тем временем неизвестный Дэн дал распоряжения коллеге и принялся исследовать ее тело, ища травмы.

Гейл ощущала это как толчки и надавливания.

– Вы связались с ее семьей? Родственниками?

– С кем? – Коул. Говорит тихо и неуверенно.

– С любимыми. С родными и близкими. – Врач что-то прижал к ее голове.

– Не думаю, – начал Коул и откашлялся, – что у нее есть родные и близкие.

– Должен быть кто-то. – Дэн приподнял веко Гейл и посветил фонариком в глаз.

– Полагаю, это первый случай за долгое время, когда ей кто-то смотрит в глаза.

«Удивительно», – подумала Гейл. Она и не подозревала, что у Коула есть чувство юмора. Жаль, что обнаружить это пришлось при таких обстоятельствах.

– Возможно, мужчина? – Дэн положил ей что-то под голову.

– Никого. Только работа. Она любит только свою работу.

– Хотите сказать, что у нее нет ни одного близкого человека?

– Если только Пуччини...

– Отлично. Звоните Пуччини и сообщите, что произошло. Пусть едет прямо в больницу.

От возмущения Гейл попыталась открыть глаза, но боль ей не позволила. Оставалось надеяться, что познания врача в медицине обширнее, чем в искусстве.

– Я имел в виду композитора Пуччини. ГМ любит оперу. Людей? Едва ли. ГМ не семейный человек. Она замужем за работой.

Дэн чем-то сжал ее палец.

– Ах, ясно... Как печально.

Печально? Почему же?

Она руководит одной из самых успешных консалтинговых фирм на Манхэттене, ее часто приглашают выступить как прекрасного оратора, она написала книгу-бестселлер, а скоро их будет две, если поступят предварительные заказы. Что же в этом печального? Ее жизнь – предмет зависти, а не сожаления.

– Печально, что на такую суку приходится работать, – едва слышно пробормотал Коул и подумал: «Я не смог пойти на похороны бабушки, потому что в десять часов у нее была встреча и я был нужен».

Коул считает ее *сукой*?

Нет! Это невозможно! Она не сука, она вдохновляет людей!

Так сказала журналистка. Да, она много трудилась, но для пользы дела. Если бы не она, компания не добилась бы успеха, а у сотрудников не было достойной, хорошо оплачиваемой работы. Неужели они этого не понимают?

Может, стоит регулярно колотить этой чертовой звездой подчиненных, чтобы к ним вернулся здравый смысл? Пожалуй, пора дать всем понять, что она в сознании, иначе услышишь о себе еще много неприятного.

– По-моему, если у человека нет семьи, тогда он погружается в работу, – рассуждал Дэн, похлопывая ее ладонью по локтевой ямке, чтобы найти вену. – Все просто.

Игла вошла в вену, и Гейл пожалела, что не может пошевелиться. Она бы с удовольствием ударила мужчину за его слова и причиненную руке боль. Все совсем не так просто. Они напрасно думают, что работа заменила ей семью, спасла от одиночества, ведь это не так. Она посвятила себя карьере не из желания заполнить пустоту. Это был ее осознанный выбор. Гейл всегда сама принимала решения, сама строила по кирпичикам свою жизнь. Черт возьми, она написала об этом книгу! У нее идеальная жизнь, сконструированная согласно личным предпочтениям. Жизнь от-кутю. В ней есть все, о чем она когда-то мечтала.

– Полагаю, жизнь ее пуста.

Пуста? Он что, не видит, где находится? Не обратил внимания, какой вид открывается из окна? Гейл сама нечасто любовалась видом – всегда была занята, – но все утверждали, что он великолепен. А фотографии, выставленные на шкафу? С самыми известными личностями делового мира? У нее замечательная, насыщенная жизнь.

– Да уж, бедняжка...

Она не бедняжка! Она генератор мыслей и идей. Они видят успешную женщину и ничего о ней не знают, не представляют, сколько пришлось трудиться, чтобы добиться высокого положения в обществе. Им не понять, почему она стала такой. Они не имеют представления, каким было ее прошлое, что ей пришлось пережить. Никто не знает ее по-настоящему. Это ее-то жизнь пуста? Считают ее одинокой и несчастной?

Они ошибаются.

Они...

Ошибаются ли?

На Гейл хлынул поток ледяного воздуха, вспыхнул яркий свет. Заданный Рошель вопрос эхом пронесся в голове: «И вы никогда не испытывали сожалений?»

Внутри зародилась мелкая дрожь, она росла, сотрясала все тело изнутри и рвалась наружу.

Она не сожалеет. И *никогда* не сожалела.

Сожаление – бесполезное чувство, кузен вины. Ни тому ни другому в ее жизни нет места.

Дрожь не проходила.

– Мы забираем ее в реанимацию.

К дрожи добавилась невыносимая тяжесть в груди. Неужели они так и не убрали шкаф с ее пострадавшего, измученного тела? Нет, дело не в нем. Эта тяжесть была внутри, не снаружи. Сердце? Нет. Боль не физическая.

Это боль душевная.

– Пульс участился.

Разумеется, участился! Виной тому эмоции и чувства, они всегда мешают. Именно поэтому Гейл никогда не пускала их в свою жизнь. Непонятно, кто впустил их сейчас, определенно, не она сама. Должно быть, пролезли в дырку в черепе.

– Возможно внутреннее кровотечение. Если дома о ней некому позаботиться, ее точно примут в больницу.

Ее положат в больницу потому, что в ее жизни нет никого, кроме работы и Пуччини. Но они не смогут принести ей стакан воды, не придут проверить ночью, жива ли она.

Дух, запертый в теле, теперь покрытом синяками и ранами, подталкивал сделать то, чему она учила других, – признаться себе, какова ее жизнь на самом деле.

Глава компании, владеющая квартирой в Верхнем Ист-Сайде с антикварной мебелью и предметами искусства, обеспеченная финансово до конца дней. При этом рядом нет ни одного человека, готового быстро приехать, когда ей плохо. Коул не в счет. Да, он здесь, но только потому, что ему платят.

Она нелюбима. До нее никому нет дела. Ни один человек, услышав о произошедшем, не подумает: «О боже, бедная Гейл!» Никто не станет звонить флористу и заказывать для нее цветы. Ни одной живой душе не придет в голову оставить у ее двери горшочек с запеченным мясом или позвонить, поинтересоваться, чем ей помочь.

Она совсем одна в этой реальности, которую сама создала. Совсем одна, абсолютно одна.

Гейл стало ясно, почему люди часто не желают копаться в своей жизни: в этом нет ничего приятного.

А что сделала она?

Выбрала такую жизнь сама, сама устроила все так, как хотела, а теперь недовольна, какой она получилась.

Гейл будто прозрела. По-настоящему.

Что, если она ошиблась и выбрала не тот путь? И методы, рекомендованные в книгах, тоже неверные?

Необходимо отменить публикацию книги, сказать издателю, что она хочет все переосмыслить и переписать. Как можно допустить выход произведения под названием «Новая сильная ты», если она лежит на полу, дрожа, как раненое животное?

Гейл попыталась открыть рот и выдать из себя несколько слов.

– Она зашевелилась. Пришла в себя! Гейл, Гейл, вы меня слышите?

Да-да, она его слышит. Она нелюбима, но не глуха. Сделав усилие, она открыла глаза и увидела врача в форменной одежде и рядом встревоженного Коула. Затем оператора и Рошель, что-то торопливо писавшую в блокноте. «Использует возможность на полную», – пронеслось в голове. Девушка усвоила услышанное от нее и пытается изменить свою жизнь.

Вспышка в голове – еще одно озарение. Кто сказал, что изменить жизнь можно лишь однажды? Люди же делают ремонт в доме часто, верно? Пусть вы несколько десятилетий жили с белыми стенами, но это не значит, что однажды нельзя решиться и покрасить их в зеленый. Если жизнь перестала нравиться, надо все менять. Она не сожалела о том, что делала, но сожалела о том, что из этого получилось. Возможно, ей удастся вновь изменить все к лучшему. Возможно, еще не поздно восстановить разрушенное. Но первый шаг должна сделать она.

– Дочь... – Звуки сформировали слово. – Позвоните... моей дочери.

От нее не укрылось, как побледнел Коул.

– Травма головы оказалась серьезнее. Она, должно быть, бредит. Может, у нее амнезия?

Врач нахмурился:

– Что вы такое говорите?

– У ГМ нет дочери.

Гейл вспомнила, как малышку впервые положили ей на руки, как она вдруг осознала ответственность за жизнь и благополучие этого крошечного существа, еще не подозревающего, что ждет его впереди, сколько трудностей предстоит преодолеть. Она сама не смогла бы выстоять в жизни, скорее всего, сдалась бы, но выдержала ради дочери. Как можно сдать, если надо защитить свое дитя? Она бы с радостью поставила вокруг дочери железный забор и пустила по нему ток, чтобы никто не мог подойти к ней и навредить.

– Гейл, вы знаете, какой сегодня день?

Она отлично знала – день, когда она впервые усомнилась в верности всего, что делала, день, когда она осознала, что сомнение способно причинить боль несравненно большую, чем удар по голове и сломанные ребра. Как же так вышло, что она всегда поступала неправильно?

Гейл собралась с силами и произнесла:

– Позвоните моей старшей дочери.

Вдруг ей суждено умереть, так ничего и не исправив.

– Старшей? – нервно переспросил Коул. – У нее нет и одной дочери, не говоря уже о нескольких. Мисс Митчелл... Гейл... Сколько сейчас вы видите пальцев? Сколько я показываю пальцев?

Гейл захотелось тоже показать ему палец. Один. Средний.

– Позвоните дочери.

– Она не бредит и ничего не путает, – подала голос Рошель. – У ГМ две дочери, но они в ссоре и не общаются. Я детально изучила ее биографию перед интервью.

Не общаются? Нет! Это не так. Да, они некоторое время не виделись, может, пару лет. Ладно, не пару, а лет пять... Точно сейчас не скажешь. Но она хорошо помнит их последнюю встречу. Стоит подумать об этом... Нет, лучше начать убеждать себя не думать, ведь сердце сразу сжимается от обиды и боли.

Гейл не считала себя виноватой, она все делала для своих детей. Все в жизни она делала только для них. Работала, чтобы стать лучшей мамой на свете. Уделяла много времени тому, чтобы девочки были готовы к самостоятельной жизни в этом мире. Переживала, как любая мать, когда они совершали ошибки. Постоянная тревога за них мучила Гейл, но стремление всегда все держать под контролем – никогда. Она сделала все, что смогла. Не ее вина, что дочери предпочли придуманный мир реальному. Не ее вина, что они не оценили, как хорошо мать подготовила их к взрослой жизни. Да, отношения их были напряженными, но нельзя сказать, что они совсем не общались. Устрашала лишь одна мысль об этом, она царапала острыми краями и приводила в ужас.

Больше остальных, похоже, был потрясен Коул.

– У нее есть *дети*? Значит, у нее был... я имел в виду, она...

Он шокирован тем, что у нее были отношения с мужчиной? Как прискорбно. Похоже, личный помощник действительно считал ее роботом.

– Хорошо. Если вы требуете, мы свяжемся с вашими детьми, – выдавил из себя Коул. – У вас есть номера их телефонов, мисс Митчелл?

Саманта наверняка сменила номер. Сама она не звонила, потому неизвестно, как с ней связаться. Гейл ждала, что дочери позвонят и попросят прощения. Дни ожидания превратились в недели, потом в месяцы. Внезапно ей стало невыносимо стыдно. Что же она за мать, если дети не желают с ней общаться? Если она откроет присутствующим правду, врачи могут не захотеть ей помогать.

Вместо ответа Гейл тихо застонала.

– Ей трудно говорить. Мы можем сами найти их номера?

– Уже ищу, – произнесла Рошель, не отрываясь от экрана телефона. – Одну из дочерей зовут Саманта.

Гейл застонала громче, когда ее перекладывали на каталку, что вызвало стоны ужаса сотрудников.

Коул взял телефон и тоже принялся искать.

– Есть Саманта Митчелл в Нью-Джерси. Комедийная актриса. Нет, это не она.

Намекает, что у нее отсутствует чувство юмора? Его наличие не предусмотрено в ДНК?

– Саманта Митчелл, Чикаго... Саманта Митчелл, выгульщик собак, Огайо... Саманта Митчелл, генеральный директор туристической фирмы, Бостон... – Он перевел взгляд на издавшую нечленораздельный звук Гейл. – Это она? Она руководит туристической фирмой?

Но почему Бостон? Саманта переехала? Не разговаривает с матерью, так еще и не желает однажды столкнуться с ней на улице?

Нельзя обращать внимание на боль. Надо быть сильнее. Дети стали ее разочарованием, что ж, это факт, его надо признать. Простить и жить дальше. Она непременно так сделает. Ужасно, что их сейчас нет в ее жизни, нельзя было доводить отношения до полного разрыва.

Кстати, Коул сказал, что она генеральный директор. Истерзанная страданиями душа встрепенулась от радости и гордости. Молодец, девочка! Так держать!

Саманта не желала признать, как много качеств унаследовала от матери.

Гейл покатили к лифту через весь офис, и она мельком смогла разглядеть потрясенные лица сотрудников. За все годы работы в «Митчелл и партнеры» они никогда не видели ее растерянной и слабой, как сейчас. Причина не в травме головы, даже не в том, что оператор снял все на камеру, а в газетах могут появиться заголовки не менее болезненные, чем падение. Гейл ранило то, что чужой человек будет звонить Саманте. А та, возможно, даже не ответит.

Саманта

– Тур в Европу по рождественским ярмаркам. Сможете не только проникнуться духом праздника, но и купить подарки и сувениры. Отличный вариант.

Скинув туфли и наспех скрутив волосы в небрежный пучок, Саманта принялась рассказывать о программе тура, составленной ее коллегами.

– Прибываете в Прагу. О, вы никогда не забудете Вацлавскую площадь, перед Рождеством на ней установят много красивых деревянных домиков, в которых будут продавать вещи ручной работы и угощения. Кстати, обязательно попробуйте имбирные пряники. Да, и на площади всегда самая красивая и нарядная елка. Только представьте, вы пьете глинтвейн, наблюдаете, как на льду кружат пары, возможно, где-то неподалеку хор поет рождественские гимны. Волшебно!

Она умело и точно набрасывала картину, которая не могла не завораживать. Упомянула тонкий аромат печеных яблок на знаменитой ярмарке в Кёльне и рождественских специй в воздухе Вены, описала удивительные средневековые улочки Таллина – столицы Эстонии.

– Вы говорили, что мечтали проехаться в карете с лошадьми? Уверена, мы сможем это организовать. Возможно, вам не захочется возвращаться домой. Отправляю вам программу тура по электронной почте, просмотрите и дайте мне знать, что решили. Можем уменьшить количество ярмарок, но оставить побольше времени на каждую. Внести любые изменения по вашему желанию.

Дверь кабинета открылась, и вошла секретарь с ребенком на руках. Саманта покачала головой. Всем сотрудникам было известно, что ее лучше не отвлекать от разговора, особенно с таким важным клиентом, как Аннабель Вексфорд. Что бы ни стряслось, это может подождать. Погрозив пальцем малышке, Саманта заговорила в трубку:

– Вы прекрасно проведете время, Аннабель. В Праге мы забронировали для вас номер с видом на Карлов мост. Погуляв по городу, сможете отдохнуть в номере, выпить и полюбоваться потрясающим видом.

Саманта выдала все, что узнала из источников и по собственному опыту, весьма богатому. Никто лучше нее не знал, как провести отпуск интересно и с пользой. С той поры, как она окончила институт, Саманта организовывала зимние туры – сначала работая в большой туристической фирме, предлагавшей отдых в любом месте земного шара, потом самостоятельно. Узнав, что она открывает фирму и будет специализироваться исключительно на индивидуальном зимнем отдыхе, конкуренты в один голос стали твердить, что она разорится через полгода. Саманта доказала, что они ошибались. Многие хотели провести отпуск наилучшим образом и получить в точности то, что желали. И Саманте каждый раз удавалось все организовать именно так. Ее фирма – «Истинно праздничный отдых» – процветала. На столе лежали несколько открыток от довольных клиентов. Один называл ее королевой Рождества, другой – миссис Санта. Помогать мечтам стать реальностью в преддверии праздников – может ли быть лучшее занятие в жизни?

– Мы также отправили вам информацию о двух отелях в Вене, просмотрите и дайте нам знать, какой выбрали.

Прошло еще минут пять, прежде чем Саманта смогла завершить разговор и нажала кнопку на телефоне для связи с секретарем.

– Шарлотта, я освободилась.

Девушка вошла в кабинет с планшетом в руках. На груди на темно-синей рубашке появились заметные пятна.

– Извини, забыла, что ты говорила с Аннабель, и прости за это. – Она опустила глаза и коснулась мокрой ткани. – Эми захныкала, моя грудь восприняла звуки как сигнал к корм-

лению и переключилась на режим подачи молока. Природа – удивительная штука, но часто причиняет неудобства. К счастью, сейчас в офисе нет клиентов. Завтра возвращается мама, так что я больше не принесу Эми на работу.

– Где она?

– Мама? Уехала к бабушке, она...

– Я о ребенке. – Саманта старалась быть терпеливой. – Об Эми.

– Ах да, она спит. Уснула сразу после кормления. Я положила ее в переноску и спрятала под стол. Теперь смогу заняться делами. Еще раз прошу прощения, мне очень неловко.

– Все в порядке, не волнуйся. Это время очень важное и сложное для вас обеих. В первые месяцы устанавливается связь родителей с ребенком. Вам надо проводить как можно больше времени вместе, ведь семья – главное в жизни. Можешь кормить Эми в моем кабинете, когда потребуется.

– Ты лучший босс на свете, Саманта, я сейчас расплачусь, – Шарлотта зашмыгала носом. – Точно расплачусь. И все из-за того, что ты такая добрая. И я стала чувствительной, плачу, даже когда смотрю новости.

– Я тоже порой готова рыдать, просматривая новости. А с моим гормональным фоном все в порядке. – Саманта толкнула пачку салфеток, та скользнула по столу прямо к Шарлотте. – Вот, возьми. И не переживай. Ты отлично справляешься с обязанностями.

– Нет, я не так быстро все делаю, как раньше. Кажется, будто мозг работает медленнее. Я оборвала звонок мистера Дэвидсона вместо того, чтобы переключить на тебя.

– Но ты сразу ему перезвонила, все объяснила и принесла извинения, а он все понял. Повода для беспокойства нет. Он едва ли забыл, что именно ты организовала его перелет из Индии, когда у него случился инфаркт на отдыхе. И потом навещала в больнице.

– Он милейший человек, – кивнула Шарлотта, вытянула из коробки несколько салфеток, часть затолкала под рубашку, а остальные использовала как носовой платок. – Боюсь, что из-за меня ты можешь потерять клиентов.

– Этого не произойдет. – Саманта поднялась с места и обошла стол. – Ты хорошо себя чувствуешь? Просто усталость или что-то еще? Если тебе нужен выходной...

– Нет. Я в порядке, правда. Мне надо привыкнуть, вот и все. Я люблю свою работу, с радостью прихожу сюда, но и с Эми хочу проводить больше времени. Получается, что я и плохой сотрудник, и мать неважная.

– Ты отлично справляешься со всеми обязанностями, поверь. Не стоит быть такой самокритичной. Все навыки вернутся, не волнуйся.

– Мама говорит то же самое, но я боюсь, что не буду справляться и ты меня уволишь.

– Что ты говоришь, Шарлотта? – Саманта была шокирована ее словами. – Ты первый сотрудник в моей фирме, мы с самого начала работали вместе, вместе создавали все это.

Женщина широко улыбнулась:

– Рождество каждый день, верно?

– Именно так! Ты великолепный работник, я не отпущу тебя, даже если сама попросишь! Прежде всего, ты знаешь вкусы и предпочтения всех наших постоянных клиентов, потому у тебя все отлично получается. Хотя это не единственная причина. Ты способна справиться с любой критической ситуацией. Господи, ты, даже находясь в Арктике, смогла отыскать пропавшего кота миссис Дэвидсон!

Шарлотта улыбнулась, потом весело рассмеялась:

– Да, злобный котик. Уверена, соседи специально его выпустили.

– Возможно, но хозяйка его любила, и ты нашла решение. Желание помочь – вот твоя отличительная черта. Сейчас непростые времена, но ты справишься. Мы справимся. Ты будешь работать здесь столько, сколько захочешь. Надеюсь, очень долго.

– Спасибо, Саманта. – Шарлотта шумно высморкалась и взяла со стола фотографию. – Новая? Я ее не видела.

– Элла прислала на прошлой неделе. Таб теперь играет в принцессу.

– Зная тебя, не сомневаюсь, что она уже получила четыре новых роскошных платья.

– Два. Разве это много? Случайно увидела по дороге домой. Не смогла решить, какое ей понравится больше.

– Любящая тетушка. – Шарлотта поставила фотографию в рамке на место. – Твоя племянница красавица. Не представляю, какой будет Эми в четыре с половиной года. Таб, наверное, очень ждет праздника.

– Очень. В выходные еду к ним, будем наряжать елку.

– Жду не дождусь, когда Эми станет старше и мы тоже будем украшать вместе елку. Это ее первое Рождество, мы столько всего уже накупили, жаль, что она ничего не запомнит.

– Ты хотела мне что-то сказать? – напомнила Саманта, и Шарлотта достала из-под мышки планшет.

– Да. – И принялась постукивать по экрану. – Для тебя восемь сообщений. Звонили Уилсоны, дали добро на Лапландию. Хотят полный пакет – олени, эльфы, Санта. Но сомневаются, стоит ли оплачивать поездку на собачьих упряжках.

– Им бы очень понравилось, – задумчиво пробормотала Саманта. – Если, конечно, одеться по погоде. Я позвоню им и все обсужу. Что еще?

Саманта села за стол и принялась просматривать сообщения и делать пометки. Некоторыми клиентами она поручила заняться Шарлотте, сказав, что с остальными свяжется лично.

– Мортонны – любители приключений. Им понравилась Исландия, организуем им тур так, чтобы смогли увидеть северное сияние. И предложим сафари на снегоходах, от него была в восторге та семья из Огайо.

– Доусоны.

– Точно. И посещение ледяных пещер. Что-то еще?

– Звонил Броди Макинтайр.

Имя было Саманте незнакомо.

– Новый клиент?

– Ему принадлежит поместье в Шотландии.

– Кинлебен?

Шарлотта сверилась с записями:

– Верно. Дом с башенками, словно из легенды. Ты прочитала о нем в журнале и просила связать с владельцем после того, как поступил запрос от семьи из Сизтла. Мы говорили об этом в прошлом месяце, и я до него дозвонилась.

– Помню, конечно. Домашние праздники в далекой шотландской деревне... Интересно, у них есть стадо оленей? – Саманта откинулась на спинку кресла. – Мы раньше ничего подобного не делали, но чувствую, это будет иметь успех. Шотландию любят все, особенно в праздники, и место там очень красивое: на берегу озера, рядом лес. Гости смогут сами срубить и поставить елку, от нее будет исходить чудесный аромат живого дерева, а не пластика. Можно отдохнуть так, как хочешь, например выпить виски у камина под треск поленьев... Надо бы добавить в программу пару ночей в Эдинбурге на Хогманай.

И, увидев выражение лица Шарлотты, добавила:

– Канун Нового года.

Та в ответ улыбнулась:

– Замечательно. Я бы сама там отдохнула.

– У нас прекрасная работа. Мы дарим людям возможность провести время так, как они мечтали. Они никогда не забудут рождественские каникулы, которые мы организуем. –

Саманта задумалась и постучала ручкой по столу. – Итак, что он сказал? Ты объяснила, что у нас уйма желающих посетить его дом в шотландском нагорье?

– Объяснила. И еще, что ты говоришь со всеми клиентами лично, а ты профи в своем деле, поэтому он может ожидать наплыва гостей.

– И?

– И он ответил, что в целом его все устраивает, но нужно обсудить детали. Это семейное поместье, он хочет быть уверен, что, сдав его нам, сделает правильный выбор.

– Набери номер, и я смогу его убедить, что лучше всего работать со мной.

– Он хочет с тобой встретиться.

– Зачем? – Саманта машинально принялась прокручивать в голове расписание на ближайшие дни. – Ладно, неважно. Сделаю, как он хочет. Когда он будет в Бостоне?

– Никогда. Он хочет, чтобы ты прилетела в Шотландию.

Саманта подпрыгнула в кресле.

– В Шотландию? Ты имеешь в виду Шотландию в Коннектикуте?

– Нет, – нахмурилась Шарлотта. – В Коннектикуте есть Шотландия?

– Да, это город. Есть и еще.

– Я имела в виду *настоящую* Шотландию. Страну холмов и вереска. И симпатичных мохнатых коров.

– Хайлендской породы. Ты серьезно? Он хочет, чтобы я прилетела в *Шотландию*?

Шарлотта подняла руки:

– Моя работа – только передать. Понять его несложно. Он привязан к дому, дорожит им. Он там родился. Представляешь? Не в стерильной белой палате, а в шотландском поместье среди гор.

– Он сам тебе рассказал?

– Да. Мы немного поболтали... Он говорит, что место подойдет не всем и ты должна знать, что продаешь.

– И он прав, разумеется. Я же посещаю все места, куда мы продаем туры. Но у меня уйма дел.

Саманта расстегнула еще одну пуговицу на рубашке и прошла к окну. Открывавшийся вид ее успокаивал. Из офиса в Бэк-Бэй она видела Бостонскую гавань. Водная гладь сейчас переливалась на солнце, оттого ее цвет казался бледнее обычного. Наступил декабрь, но первый снег выпал неделю назад, природа будто спохватилась и напомнила, что пришла зима. Саманта была из тех, кто любит снег. Никакие холода не испортят ее роман с этим городом. Ничто здесь не навевало воспоминаний. Призраки из прошлого не шли следом по тротуарам из коричневого камня, мешая любоваться архитектурой. Уехать из Манхэттена – самый разумный из всех поступков в ее жизни. Определенно, Бостон – ее город. Она любила в нем все: художественные галереи, бутики элитных марок на Ньюбери-стрит, Бикон-стрит со старыми газовыми фонарями. Любила даже в это время года, когда с реки Чарльз дул пронизывающий ветер.

– Босс?

– Да, – Саманта повернулась. – Шотландия. Отлично. Думаю, мы рискнем, идея кажется мне интересной. Отправим туда кого-нибудь. Например, Рика. Он же надевал килт на костюмированные вечеринки.

– Лэрд² настаивает, чтобы приехала именно ты.

– А он лэрд?

– Шучу. Видимо, прочитала слишком много любовных романов, которые мы так любим. Всегда мечтала, чтобы меня подхватил на руки и посадил на лошадь мужчина в килте.

² Лэрд (англо-шотл. laird – землевладелец, лорд) – представитель нетитулованного дворянства в Шотландии. Прим. ред.

– Вместе с Эми у твоей груди? Весьма проблематично. – Иногда Саманта жалела, что Шарлотта, не отличавшаяся осмотрительностью, переняла ее любовь к чтению. – Прошу, не говори Броди Макинтайру, что мы увлекаемся историческими любовными романами.

– А что такого? Я всегда говорила, каждый имеет право читать что хочет.

– Согласна, но я предпочитаю не смешивать профессиональную деятельность и личную жизнь.

И для каждой сферы у нее было отдельное «я». Саманта увлеклась романами еще подростком. Сначала таким образом пыталась узнать о чувствах, не одобряемых матерью, а потом выяснила, что это отличный способ расслабиться. Она никогда бы не поделилась с Шарлоттой тайным увлечением, но та случайно увидела в ее сумке книгу. На следующий день помощница принесла в офис целую стопку романов, с тех пор они ими обменивались.

– Я хозяйка компании, мне будет трудно завоевать доверие клиентов, еще и шотландцев, если они узнают, что свободное время мы проводим в мечтах о том, как красавец в килте увезет нас на коне в вересковые поля.

– Это лишь фантазии. Мы же не хотим, чтобы все случилось по-настоящему. Вереск, наверное, колючий, и там полно насекомых. К тому же я нашла фотографию нашего лэрда в интернете – ему уже под шестьдесят. Хотя он еще вполне привлекательный мужчина, у него суровая внешность человека, пережившего немало жизненных бурь.

– Он сказал, чего именно ждет от моего визита? – Саманта решила сменить тему.

– Нет, мы недолго разговаривали, я боялась, что Эми может начать плакать. – Шарлотта поправила бретельку бюстгалтера. – Он настаивает, чтобы ты прилетела в этом месяце на несколько дней. И знаешь, у него очень сексуальный голос.

– Думаешь, голос владельца поможет нам с продажами? До Рождества двадцать четыре дня, у меня нет времени на эту поездку.

– Попробуй сама с ним поговорить и как-то все уладить. Он даже предложил приехать на Рождество, но я сказала, что ты всегда проводишь праздник с сестрой. Тогда он сказал, что вы могли бы приехать вместе, получился бы настоящий семейный праздник. Было бы круто, правда?

– Мне так не кажется.

– Да? По-моему, отправиться на Рождество в Шотландию – лучший способ понять, понравится программа клиентам или нет.

– Это работа, а я в Рождество хочу отдыхать. Исключение – лишь чрезвычайная ситуация. Нет, я поеду к сестре и все выходные дни проведу в пижаме. Макинтайру я позвоню и перенесу поездку на другое время.

– Хм... «На ложе лэрда» – отличное название для книги. Что скажешь?

– Ничего. И пожалуйста, не упоминай в разговоре с ним все придуманные тобой названия романов.

– Ясно. – Шарлотта перевела взгляд на окно. – Опять пошел снег.

Саманта перестала ее слушать и принялась размышлять об охотничьем домике в нагорье. Может, мысль провести несколько дней в Шотландии не так уж плоха? Поместье Кинлеवन очень ей понравилось, она знает по меньшей мере дюжину клиентов, которые придут от него в восторг и будут благодарны ей за такой отдых.

– Соедини меня с ним, – решительно произнесла Саманта. – Попробую найти свободные дни до Рождества. Ведь я могу слетать на одну ночь. Это все?

– Звонил Кайл. Четыре раза. Говорил раздраженно. Вчера он два часа прождал в ресторане...

– Ой...

У Саманты был разговор с одной из любимых клиенток – вдовой преклонного возраста из Аризоны, решившей немного разнообразить одинокую жизнь. Она организовала ей три

тура, и прошлым вечером целый час они обсуждали четвертый. Ужин с Кайлом вылетел из головы, и это характеризовало не лучшим образом не только Саманту, но и их отношения. Разве не так?

– Я поступила ужасно, непременно позвоню, извинюсь.

Шарлотта нахмурилась:

– Он просил передать, чтобы ты не звонила, если не хочешь перевести отношения на другой уровень.

О боже!

– Это же отношения, в них нельзя, как в лифте, переместиться на другой уровень.

По мнению Саманты, они с Кайлом были еще в подвале.

– Я передаю то, что он сказал. И еще: тебе надо решить, чего хочешь. У меня сложилось впечатление, что он готов подняться на самый верхний этаж. – Шарлотта смущенно улыбнулась. – Мне кажется, он в тебя влюблен.

– Что?! Ерунда. Он влюблен не больше, чем я.

Саманту все устраивало, ей было удобно. Они вместе ходили в театр, в оперу, иногда уединялись в спальне. Правда, чаще Кайл засыпал, стоило ему положить голову на подушку. Как многие в этом городе, он руководил недавно созданной технологической компанией и был занят больше, чем она. Но самым тревожным для Саманты был факт ее полного безразличия к этому. А ведь это ненормально, верно? Она должна желать, чтобы он проводил больше времени с ней, а не на работе. Должна беспокоиться, что между ними нет страсти.

Оставаясь наедине с Кайлом, она невольно погружалась в свои мысли, будто искала альтернативу выбранному времяпрепровождению. С нетерпением ждала его ухода и возможности открыть наконец книгу. Разумеется, она сознавала, что реальная жизнь не может быть такой, как в романах, но все же надеялась привнести в нее кое-что из них.

– Соедини меня с Кайлом, я поговорю.

Но что она скажет, если не представляет, как сохранить отношения на существующем уровне, не говоря уже о большем?

– Хочу еще добавить, что час назад принесли огромный букет от Таблотов. Они вернулись домой после медового месяца в Вене и просили передать, что все было в точности как они мечтали.

– Именно такие чувства и должны быть у людей после медового месяца.

Саманта была рада, что смогла угодить клиентам.

– На этом все. Пойду звонить и...

Их прервала влетевшая в кабинет Аманда – младший менеджер по прямым продажам.

– Саманта! Прости, но это срочно.

– Что случилось?

– Это касается твоей матери.

Саманта едва не выпалила, что у нее нет матери, но сдержалась, вспомнив, что это не совсем так. Биологическая мать у нее была. Не та румяная милая мамочка, какую показывают в фильмах, но все же мать в том смысле, который вкладывают в это слово.

Лицо ей удалось сохранить, не выдать ни одну эмоцию, и за эту привычку нужно благодарить как раз мать, если это можно назвать привычкой. Та к чужим эмоциям относилась куда терпимее, чем к собственным.

Саманта ощутила, как Шарлотта коснулась ее плеча.

– Саманта? С тобой все в порядке?

Нет, не в порядке. И не может быть в порядке, раз говорят о ее матери.

– Она звонила?

– Не лично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.